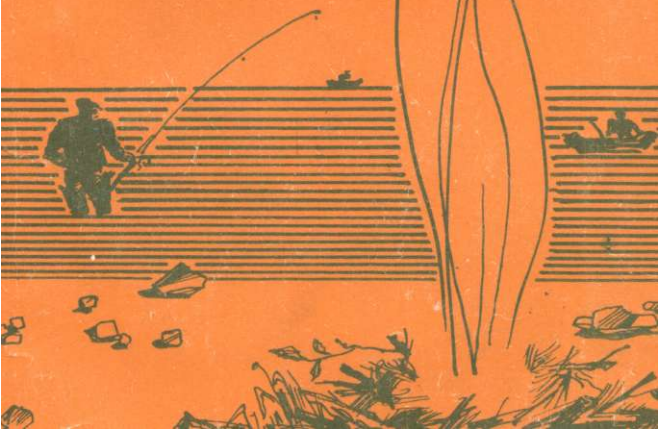

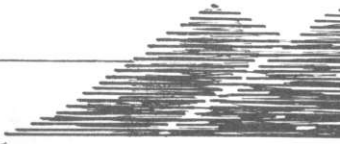
2 (574.17)

АЛЕКСАНДР ПИНАЕВ

ТАЕЖНЫХ РЕК РАЗЛИВ

53682

Нол
ам
6

ПОЛИМОСЬ, РУБ

оды

7

58820,00

25364,00

ед

6

58820,00

25364,00

**КЕМЕРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

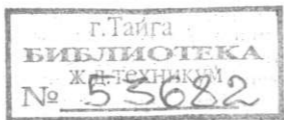
P2
173

АЛЕКСАНДР ПИНАЕВ

ТАЕЖНЫХ РЕК РАЗЛИВ

СТИХИ

БИБЛИОТЕКА
ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
ТТЖТ&2002

Кемеровское
книжное издательство

1989

Редактор и составитель В. М. Баянов

Художник В. П. Кравчук

Пинаев А. Е. (1907—1978 гг.)

П32 Таежных рек разлив: Стихи.— Кемеровское кн. изд-во, 1989.— 119 с., ил.

ISBN 5-7550-0081-6

Эту книгу можно было назвать и по-другому, например, так: «Я учился у горных рек», «Благослови меня на жизнь» или какой-нибудь другой строкой из стихотворений старейшего кузбасского поэта. Такова особенность его стихов — они насыщены глубоким лирическим (а значит — личностным) смыслом. Не имея возможности посоветоваться с самим автором, мы решили, что лучше будет, если название отразит абсолютную любовь поэта — тайгу. При жизни А. Пинаев выпустил немного книг. Но этот сборник, подготовленный при участии его ближайших друзей, в частности, новокузнецанина В. С. Афанасьева, не только дань его памяти. И сегодня стихи А. Пинаева смотрятся молодо, волнуют поднятыми в них проблемами.

П 4702010202—32

М 145(03)—89 Без объявл.

ББК 84 Р7

ISBN 5-7550-0081-6

© Кемеровское книжное издательство, 1989

СЛЕД НА ЗЕМЛЕ

Александр Ефимович Пинаев является одним из старейших поэтов Кузбасса, зачинателем кузбасской литературы. Говоря так, я думаю не о какой-то тематической ограниченности или неширокой распространенности его интересного творчества. Я имею в виду поэтическое слово, как таковое, в его корневой, изначальной сути и завязи, родившееся на колоритнейшей земле Кузнецкого бассейна, на земле с несметными богатствами в недрах и не менее богатой и мало еще освещенной в нашей литературе историей и самобытной народной культурой.

Александр Ефимович, выросший в самой что ни на есть гуще трудового простонародья, великолепно знал старинные народные обычаи, обряды и поверья нашего края, помнил и умел выразительно, достоверно нарисовать обстоятельства и неординарные характеры людей, встречавшихся ему на самых неожиданных и невероятных путях-перепутьях в бытность его старателем на таежных приисках начала 30-х годов, а затем комсомольским работником. Героями его произведений были и его однокашники — первые строители кузнецких шахт и заводов с буревыми, сплошь и рядом романтическими биографиями. Вот каков у А. Пинаева даже неприметный вроде труженик-пчеловод на глухой урманной пасеке:

*Догонял он басмачей в барханах,
Бред на лыжах в стужу, в снегопад,
Окружая рвавшийся к Аяну
Белый пепеляевский отряд.*

Есть у Александра Пинаева давным-давно написанная маленькая поэма о многотерпеливой русской женщине-сибирячке Анне, чем-то очень похожей на старуху из повести В. Распутина «Последний срок», появившейся гораздо позднее. Просто и страшно рассказывает Анна о своем детстве:

*— Все вспоминать—накрыться черной шалью,—
Сказала Анна,— голь да нищета.
С жабреем, помню, отруби мешали
И хлеб пекли.*

И то не досыта...

И далее о молодости своей:

*— До полусмерти шомполами бита.
Был муж расстрелян на моих глазах.
Очнулась утром — дверь в избе открыта
И снегу за ночь намело в сенях.*

И удивительно, что после тяжелой, уже почти до конца прожитой жизни, гибели мужа в гражданскую, а потом, уже в эту войну — старшего сына, оставшись после многих утрат в полном одиночестве, когда младший сыночек не приезжает к ней из города, ссылаясь то на недуги чад своих, то прочие находя увертки, когда даже кот-хулиган ушел со двора, потому что бабке Анне не под силу стало держать коровенку, оставшись без молока — удивительно, что после всего этого не ожесточилась она, осталась светлой и человечной, радушной и хлебо-

сольной. Еще нет-нет да и поворчит шутливо на часто приезжающего навестить ее и помочь ей по хозяйству городского знакомого-писателя:

— Ну вот и ночь. Пора на боковую.
Ты отдохни. Работать хватит, брось.
А то вот прут возьму да так отдую!
Приехал в гости, так живи, как гость!

Мне очень нравится эта маленькая поэма, написанная, как преобладающее число стихотворений А. Пинаева, в любимой им повествовательной манере, ныне почти исчезнувшей из поэтического обихода.

Пожалуй, ни у кого из наших поэтов, да и прозаиков тоже, не найдем мы далеких, редких и потому особенно притягательных и интересных для современного читателя картин тогдашней старательской жизни, взаимоотношений, порядков, размышлений и поиска путей к новой действительности, как у Александра Пинаева.

*Чадит лампешка.
Ветер бьется в окна.
И вырывает из-под бревен мох...
Сидим, сутулясь,
В драных полушубках.
Папахи — набок. Из-под них — чубы.
Коптим махрой из носогреек-трубок,
Сыны крутой старательской судьбы.
С утра — шурфы.
Ночь подошла — на нары.
Так день за днем, так третий год подряд...*

Жизненного материала было так много и так подробно хотелось рассказать о ярких буднях своей

молодости, что это как бы переполняло стихи, заставляло завакстую превышать необходимый объем стихотворения.

Александр Ефимович Пинаев большой любитель и защитник природы. Душа его всегда была раскрыта перед нею, и нетрудно представить, как бы она сегодня возмущалась и негодовала, то и дело видя обмеления, пересыхания, гибель всего живого от невежественной и безответственной деятельности человека. Он никогда не замыкался в узком мире — радости и печали малой родины у него всегда в живой неразъединимой связи с масштабными событиями всей огромной страны. Обращаясь к России в одном стихотворении, поэт безоглядно верит, что она, светлая душою, будет стоять вечно. А заканчивается стихотворение так:

*И если есть во мне частица
Тебя самой — частицей той
Я буду больше всех гордиться
В итоге жизни прожитой.*

Хорошо это, душевно сказано, и мне хочется повторять и повторять проникновенные слова старого поэта.

В. Баянов

* * *

Ты не сердись
На то, что я замолк.
Но почему-то
К письмам нет привычки.
Все сомневаюсь:
Есть ли прок и толк
В заочной многословной перекличке.
Как я живу?
Здоров иль не здоров?
Что продается в магазинах наших?
И в заключенье —
Десять, двадцать слов,
Давным-давно уж
Трафаретом ставших.
Я лучше просто
Напишу: «ау»!
Всего две буквы
И всего два звука.
И ты поймешь,
Как я тебя зову,
Как жду тебя,
Товарища и друга!

* * *

Живу всегда,
 как будто позабыв,
Все то, что видел,
 и все то, что слышал.
Все в первый раз:
 таежных рек разлив
И вьюга, и сентябрьское затишье.
Приходишь на знакомые места,
И кажется, что никогда здесь не был.
Не те березки,
 и река не та,
И по-другому
 голубеет небо,
И никогда еще не видел ты
На снег упавшей в ноябре рябины.
Ежеминутное рождение красоты,
Извечно новой
 и неповторимой.

* * *

С годами
 глубже мир открытий.
Но ты ко многому привык.
И солнце видел ты
 в зените,
И море видел,
 и родник,
И луг июльский
 стоголосый,
И соболиный
 свежий след,
И на житейские
 вопросы
Есть данный опытом
 ответ.
Но твой запас
 привычных истин
С налетом
 пресным и сухим
Неплохо б
 оживить, подкислить
Незнаньем
 терпким, молодым.
Верша расчистку
 и приборку,
Пусть нестесненно
 дышит грудь!
За много лет
 покрыло коркой

Кой-где

души живую суть.

Ну кто, любуясь дальней далью

И к ней стремясь

всем существом,

Не вспомнит

с ласковой печалью

Свой первый шаг,

свой отчий дом?

И я в сплетении

событий,

Больших забот

у нас в дому

Сейчас протягиваю нити

К первоистоку моему.

* * *

На горах здесь
 пихта и осина.
В междугорье
 ручьи журчат.
Здесь немало
 семей лосиных
И ушастых
 серых зайчат.
И на каждой поляне
 жгучий,
Как душа тайги,
 огонек —
Для меня
 на земле наилучший,
Самый близкий сердцу
 цветок.
К марту здесь
 глубокий снежище.
Тонет в нем
 молодой лесок,
Но выкачивают корневища
Из глубин непромерзших
 сок.
Но и в стужу,
 в оледененье,
Нет беспомощной тишины
С той же силой
 несет течение

К устью дальнему
валуны.
Напряженно,
неторопливо,
Под сугробами
не видна,
Для апрельского
яркого взрыва
Набирает силы
весна.
Не проезжий
и не прохожий
И тайге
с детских лет родной,
Нес в себе
я всю жизнь,
быть может,
Каплю
силы ее взрывной.

Разреши мне присесть на валежине,
Холодку зачерпнуть из ручья.
Расскажу тебе, мать, как положено,
Где я был и что пережил я.
Повидал я Уральские скалы
И Кавказ, и степные края.
Но везде тебя сердце искало,
Колыбельная песня моя!
Синегорье с борами кедровыми,
Запах зноем растопленных смол!
Нет родней и желаннее крова мне!
Долго не был я здесь, но пришел!
Ничего эти годы не отняли.
Вижу все, к чему прежде привык —
Перекаты в бурунах; на отмели
Длинноногий пригрелся кулик;
Утка с выводком в заводи вымылась,
Повела к луговине утят;
Темно-синяя горькая жимолость
Нынче крупная, как виноград;
Боязливая тропка проложена
К водопою, неведомо, чья.
Разреши мне присесть на валежине,
Холодку зачерпнуть из ручья!

НАЧАЛО

Кусок кеты в котомке и калач.
Иду с Амура до хребтов Алдана.
Тропа ведет то в мари, то в пихтач.
Иду весь день и к ночи не устану.
И в зимовье на нарах из жердей
Не потому, что жестко, мне не спится,—
По-новому гляжу я на людей.
Не так, как прежде, вглядываюсь в лица.
Я не забыл, как говорили мне,
В далекий путь с опаской провожая,
Что в дальней, в приисковой стороне
Моя судьба — для всех судьба чужая:
«Не доверяйся. Сам собой владей,
Ищи друзей не торопясь и строже».
Но встретил я в глухой тайге людей,
Простых людей, и нету их дороже.

ТАЕЖНЫЙ КЛУБ

Двадцать пятый год.

Таежное

Наше прежнее житье.

Закопченное, примороженное,

Приисковое зимовье.

Нары. Пол из жердочек настлан.

У дверей лопаты и лом.

В черепушке с бобовым маслом —

Фитилек коптит над столом.

Печь железная.

Чайник старый.

Вот и все.

Для воскресных дней

Карты есть у нас и гитара, —

Жаль, струны не хватает на ней.

Впрочем, было не до веселья.

Покопай-ка шурфы зимой!

Так устанешь, что еле-еле

Доплетишься к себе домой.

Далеко, за горами горбатыми,

За таежной зеленой стеной,

Парни песни поют с девушками,

А у нас девчат — ни одной.

Ни одной! Ни курчавой, ни стриженной,

Ни застенчивой, ни озорной,

Даже в этом мы были обижены

Неприятной той стороной.

В общем, мало было хорошего.

Одного лишь нельзя отнять:
Мы у жизни легко и дешево
Ничего не хотели брать.

1

То ли в марте,
То ли в апреле
Ночью к нам пришел человек.
На солдатской его шинели
И на шлеме был мокрый снег.
Дверь пришлась ему не по росту —
Был из тех, что берут на флот.
Распрявился, снял шлем и просто,
Как знакомый, сказал:
— Метет!
Шел с «Крутого». Вдруг вижу: хата!
Я и двинулся на огонек.
Заночую у вас, ребята?
Есть, братишки, у вас чаек?
Отвечаем:
— Конечно, можно!
Раздевайся, садись сюда!
А чайшко у нас таежный —
Кипяченая, брат, вода.
Гость смеется:
— Хорош! Годится!
Был бы только в меру горяч!
Нас, ребята, эту водицу
Приучил уважать басмач.
Было дело: лежим в барханах,
Ждем бандитов и день, и два.
Не в избе ведь, не в балаганах, —
Как в костре, мы лежим, братва!
Чуть задремлешь — колодец снится,
Видишь речку, туман над ней.

Называйте воду водицей.
Будьте ласковее, нежней.
Балагурит. Глаза с хитринкой.
Чай наш хвалит:
— Не чай, а мед!
Осторожно, своей тропинкой,
За собой куда-то ведет.
Начал мягко, а кончил позже —
Что ни слово, то в сердце гвоздь:
— Распустили, ребята, вожжи!
Как живете? — песочит гость, —
В зимовье у вас, как на свалке!
На столе у вас — тарарам!
Сознавайтесь-ка, елки-палки:
Умываетесь по утрам?
А прически? Гнезда сорочьи!
Не глядели б глаза на вас.
Стыдно!

Будущие рабочие!
Наш таежный рабочий класс!
Так и будем лежать под шубой,
Дуться в карты и пить вино?..
— Клуб нам нужен. Нельзя без клуба.
— Думать нечего. Решено!

2

Дел по горло: сцена, скамейки,
Декорации, реквизит.
И никто не дал ни копейки
Комсомольской нашей ячейке.
Ни копейки.
А клуб открыт.
Бедновато. Тесно. Но чисто.
И играть в этом клубе — нам.
И учили роли артисты:

Кто по памяти,
Кто по складам.
(Даже женские роли играли,
Платье в талию, голос — бас!)
Впрочем, некоторые роптали:
Надоело мне генералить,
Под расстрелом быть каждый раз!
Но порядок в ячейке строгий:
Роль давалась, как твердый приказ...
Может быть, показался б убогим
Тот таежный наш клуб сейчас.
Ни ковров, ни штор, ни паркета,
Ни сверкающих бронзой бра...
Сколько песен в нем было спето
Под декабрьский ночной буран!
Клуб таежный на косогоре!
Не оттуда ль открылся нам
Путь в Кузнецк и к Обскому морю,
К беспокойным его волнам!..

* * *

Путь-дорога.
Подъемы. Спуски.
Я сейчас поклониться хочу
От души, по-сыновьи, по-русски
Горным кряжам и пихтачу!
То, что в детстве тайга дала мне,
Сохранилось во мне навек.
В трудный час свой
Ворочать камни
Я учился у горных рек.
Те, кто в дальних краях бывали,
Возвратясь, сойдя с корабля,
Не любимых своих обнимали,
А тебя целовали, Земля!

Паром увидишь — вспомнится понтон.
 В раскатах грома слышишь канонаду.
 Товарищ скажет — был солдатом он:
 — Здесь не берет! Сходить в разведку
 надо.

Идет. Не хрустнет ветка под ногой.
 В солдатской фляжке крепкий чай
 с вареньем.

А был в ней спирт. Когда пришлось
 под Мгой

С боями выходить из окруженья.
 Пять-шесть глотков. Но как он их берет!
 Для раненых, для тех, кто будет ранен.
 Для тех, кто так нещадно изнемог,
 Что сделал шаг — и потерял дыханье.
 И посеи час в нем, бывшем старшине,
 Хозяин жив, заботливый и строгий.
 — Суши ботинки, — говорит он мне, —
 Допрежь всего имей сухие ноги!
 В березняке снимает с плеч рюкзак
 И прячет в нем кусок сухой бересты,
 И так ночной устроит бивуак,
 Что дельно все и по-солдатски просто.
 И не один из всех друзей моих
 Не рвется так душой, но молчаливо,
 В немудрый мир зеленолапых пихт
 Заросшего кувшинками залива.
 Туда, где ошалелый пережат
 Кружит в воронках шапки желтой пены.
 Немудрый мир. Но кто, как не солдат,
 Заре, закатам, звездам знает цену?!

* * *

Вступают в жизнь гористые края.
Июль. Жара. На присмиривших пихтах
Желтеет раскаленная хвоя,
Коробится и отпадает тихо.
Валун гранитный врезался ребром
В сухую землю, смял корявый корень.
Еще немного — и тяжелый гром
Взорвется над таежным крутогорьем.
Бульдозеры и гулкий «ЧТЗ»,
Рискуя опрокинуться на круче,
Вплотную подбираются к грозе,
К набухшей ливнем темно-синей туче.
Таран грозы!
Там, за хребтом, руда.
Нам до морозов к ней пробиться надо.
Слетает молний яркая орда,
И гром, и ливень вперемежку с градом.
Сто водопадов ринулись в лога.
Кюветы глиной до краев замыло.
Прораб сердит:
— Опять дает тайга!
И восхищен грозой:
— Какая сила!

* * *

Тайга.

Тому, кто в ней впервые,

Навек запомнится она:

И эти кедры вековые,

И скал гранитных крутизна.

Здесь не пройдешь спокойно шага:

Трава до плеч,

Роса — дождем.

Тропа — то камень, то коряга —

Ведет то в лог, то на подъем.

Летит ручей стремглав по круче.

Войдешь в него — сбивает с ног.

Здесь все огромно, все могуче.

Тайга! Твой нрав и горд, и строг.

Я — как корабль во время шторма —

Взлетел на гребень и — в провал...

И пахнет снегом ветер горный,

И пахнет небом перевал.

* * *

Тайга
 окутана туманом.
Я заработался.
 Устал.
Весь день
 дождина окаянный
По окнам
 яростно хлестал.
И грозно гром
 по небу топал,
Остеклянел асфальт от луж.
А я мечтал
 по тайным тропам,
В тайгу уйти,
 в родную глушь.
Не оскорблен ничем,
 не ранен,
Со всеми близкими
 в ладах,
Я, знать, совсем не горожанин,
Хотя и жил я
 в городах,

Под городским
 состарюсь кровом.

Но тянет, что ни день в тайгу,
Я с ней,

 как с первою любовью,
Расстаться сердцем не могу.

В тайге и гордость есть,
 и скромность,

И озорство, и боль,
 и грусть.

Иду,
 к смородине притронусь,
К хвое кедровой
 прикоснусь.

Я засмотрюсь,
 как смолы тают,

Рукою глажу
 теплый мох,

Как будто медленно читаю
Любимой

 светлое письмо.

У РЕКИ ЧУЛЬМАКАН

В самом устье таежной реки Чульмакан,
На крутом берегу,

у сосны в три объёма,
Я наткнулся на старый, пустой балаган —
В нем старатели жили когда-то.
В балагане —

головки болотных сапог,
Груда тряпок, куски голенища.
Возле входа — заржавленный весь котелок,
В нем какая-то странная пища.

...Заблудились в тайге и ослабли они,
Голодали и дни, и недели.

Голенища разрезав ножом на ремни,
В котелке их варили и ели.

...Значит, должен здесь быть

под сосной бугорок —

Только — нет... Обнаружил я затесь.

А на затеси —

несколько выцветших строк:

«Я — пошел.

Не спасу — так спасайтесь.

Повезет — я с людьми к вам на помощь приду».

И — пришел, знать, увел от могилы.

...Как он шел по тайге, спотыкаясь, в бреду,

Напрягая последние силы!..

...И угрюма тайга,

И темна-то она!

Так ведь в песнях певалось когда-то.

Сторона ты,
 родная моя сторона,
Без вины ты была виновата!
Время стало другим,
 и ты стала другой.
Называют тебя «полной чашей»,
Называют тебя «вечно юной тайгой»
И «зеленой красавицей нашей»...

АИЛ

Имя светлое Аил
Я заочно полюбил.
Мне казалось, что в Аиле,
В тихой заводи речной,
Спят, сложив устало крылья,
Гуси дикие весной
После трудного полета
Над полями и тайгой.

Но в вагоне скучный кто-то
Мне сказал: «Аил — другой».

Дачка. Стайка сосен старых.
Не поселок, не село.
Там всю ночь свою гитару
Кто-то мучил мне назло.
Да, Аил на самом деле
Не такой, как думал я.

Гуси в мае пролетели
Мимо мелкого ручья...

НА ВЫРУБКЕ

Как время все здесь изменило!
Мне край знаком и не знаком.
Лощины все заполонило
Молоденьким березняком.
Туда пойду, сюда ли гляну —
Никак душою не смирюсь,
Тверскую встретив вдруг поляну
И левитановскую Русь.
Вот смятою прижалась кроной
Сосна к родной моей земле.
И чистый сок слезой соленой
Застыл на розовом комле.
Отвековала, откачалась,
Навек покинула тайгу.
Что дети наши!

Сам, печалась,
Уже представить не могу,
Что где-то здесь, где пни да глина,
Да скрежет бензопил тупой,
Бежал бродяга с Сахалина
Звериной узкою тропой.

НЕЛЯНА

Когда зацветает Алтай,
С утра по росистым полянам
Идет богатырь Сагатай.
Он ищет невесту Неляну.
Обидел ее Сагатай.
Сказала печально Неляна:
— Найди, богатырь, угадай!
Цветком на Алтае я стану.
Идет Сагатай по горам,
К поляне идет от поляны.
Склоняется к ярким цветам,
Но все не находит Неляны.
Напьется воды из ручья
И ищет любимую снова.
И каждый цветок отвечает:
— Не я!
Я жду не тебя, а другого.
И молит тайгу Сагатай:
— Ответь, подскажи, где Неляна?
— Ты сам, богатырь, угадай!
Иди по росе и туману,
Иди, богатырь, на Каным,
Ищи на Терси, на Камзасе,
И если ты ею любим,
Найдешь, богатырь, свое счастье.
Неляна поймет и простит,—
Сказала тайга Сагатаю.
...Алтай весь цветами покрыт.
Так сколько ж любви на Алтае!
С отрога иду на отрог,
К поляне иду от поляны.
И кажется каждый цветок
Мне, как Сагатаю, Неляной.

* * *

Пихты в белом декабрьском кружеве.
И стоят красотой горды.
На тропинке поземка завьюжила
Неглубокие чьи-то следы.
Догоняю.
Идет неуверенно.
То быстрее, то медленней шаг.
Значит, в счастье еще не поверила.
Значит, все еще что-то не так.
А его — не пришлось мне —
Не видел я...
И тебя я не знаю.
А все ж
Я хочу, чтоб тебя не обидели.
Ты такого хорошего ждешь!
Ждешь такого, что сердцу не верится.
И робеешь, и рвешься к нему...
Заметает тропинку метелица.
Мне шагать по тайге одному,
Грустно, грустно дымит моя трубка.
Сверху — ветер, и шорох хвои.
Гладит щеки мои воротник полушубка.
Греет их,
Словно руки твои...

* * *

Разошлись.

Поссорились навеки...

Кажется, теперь им: навсегда

Между ними

темный лес и реки —

Их непримиримая вражда.

Кажется: больней, непоправимей

Не было обид,

не может быть.

И что нужно дорогое имя

И возненавидеть, и забыть.

И дышать свободней стало,

кажется,

Будто радость новая близка.

Только — нет! Когда беда уляжется, —

Вот тогда

и подойдет тоска,

Да такая горькая и лютая,

Что не хватит слов,

не хватит слез.

Вспомнят все —

минута за минутою —

Как, с чего

все это началось;

Сколько было теплого, хорошего

Отдано, получено в те дни;

И о том, как мелочно и дешево

Спорили и ссорились они.

Глядя на других,

другим завидуя,

Не сводя с чужого счастья глаз,

Будут жизнь допрашивать с обидою:

«Почему ты наказала нас?»

Пусть же все у них, как в сказке,

сбудется,—

Боль и все обиды пропадут...

Пусть, любя,

сердца всей силой

трудятся

И друг друга

к лучшему ведут!

* * *

Сентябрьский утихающий огонь.
Шуршащий лист не греет мне ладонь.
Нет, не возьму я этого подарка.
Он разлетится пылью — только тронь.
Хорош лишь тем, что отцвелал он ярко.

Ты подари мне будущей весной
Подснежник с первых голубых проталин,
И вот тогда, что б ни было со мной,
Какой ни есть, рассержен иль печален,

Забуду все тогда и улыбнусь.
И будет день мой радостен и светел.
Не обижайся, не дари мне грусть.
Я жизнь люблю, а не шуршащий пепел.

РУЛО ТЭ РУЛО

Девчата едут на воскресник
В совхоз, в село Албазино.
А где девчата — там и песни.
От века так заведено.
Ну хоть на миг бы приумолкли.
Прощай дорожный мой покой!
Прилег вздремнуть на верхней полке,
Но дрему сняло, как рукой.
Хотел сказать: «Нельзя потише?»
Но вспомнил: в старости ворчат.
Далек тот день. А я все слышу,
Все не забыл я тех девчат.
— Руло тэ руло. Руло тэ руло.
Вера, зачем закрываешь окно?
— Руло тэ руло.
— Светка заснула.
Едем учиться в Москву.
— Решено!
— Руло тэ руло. Руло тэ руло!
— Таня! За косы меня не тяни.
— Это не я, а Людмила тянула.
— Руло тэ руло.
Попробуй засни!
Скучно ворчать — стариковский обычай:
«Ах, у девчат должной выдержки нет!»
Мне эта шумность
Сорочья-девичья,
Словно от юности давней привет.

Стоит ли злиться,
Сгорбясь сутуло?
Горы, распадки,
Родные края!

— Руло тэ руло... Руло тэ руло!..

Горы все те же...

Где юность моя?

Екнуло сердце, тоскливо заныло.

— Кать! Ты читала «Айвенго»?

А, Кать?

— Ира, ты в туфельках? Ох ты — чудило!

Ножки простудишь свои.

— Не пицать!..

Лозунг задорного юного гула.

В нем для меня и намек, и упрек.

...Руло тэ руло... Руло тэ руло...

Молча полез я

На верхний шесток.

Стало на сердце улыбчивей, лучше.

Горы, распадки,

Багрянец берез.

Старость ли учит?

Юность ли учит?

Руло тэ руло...

Ответь на вопрос!

* * *

Я нашел в лесу подкову.
Предрассудков не тая,
Ту подкову, как обнову,
На стене повесил я.
Но она, сама собою,
Не вписалась в тихий быт.
Это — небо голубое,
Это — звонкий стук копыт,
Это — лес,
 степной проселок,
Это — свежий
 санный след.
Это — я скачу веселый,
Это — мне семнадцать лет!

НА ЗАПСИБЕ

Здесь начинают новый Кузнецкстрой.
Здесь даже местность с прежней
очень схожа.

Площадка стройки снова под горой,
Хотя гора поменьше и положе.
Здесь та же цепь болотцев и озер.
И те же травы в полосе низинной.
И длится тот же бесконечный спор
С кузнецкой вязкой и тяжелой глиной.
Но нет на стройке заморенных кляч
И грабарей в залатанной одежде.
Долину красит строй ажурных мачт.
И мера сил не та уже, что прежде.
Красавцы-краны. Богатырский МАЗ.
На миг какой-то зависть охватила:
— Эх, если б в годы прошлые у нас
Такое же богатство было!
Над стройкой гул. Такой же, как тогда.
И не такой. Ответить не сумею,
В чем он иной. Пожалуй, ритм труда
Спокойней стал, размеренней, ровнее.
Черты былого в новом узнаешь.
И что сейчас особенно волнует,
Так это то, что видишь молодежь
Таковую же, как прежде, и иную.
Что знали те, кто тридцать лет назад
Пришел в Кузнецк? Один из ста едва ли
Слышал слова: «мартены», «кокс», «прокат».
Тогда мы сталь еще железом звали.

Для очень многих подписью был крест.
И карандаш, огрызок, иному,
Когда пошел он хмуро на ликбез,
Порой казался тяжелее лома.
Но повторится здесь тридцатый год
В мечте горячей, в трудовом накале...
Здесь будут ждать, когда чугун пойдет,
Как мы его апрельской ночью ждали.
И повторятся тысячи тревог
И злая ярость к неладам и срывам.
И сделав вдвое больше, чем он мог,
Здесь кто-то станет подлинно счастливым.

Я признаю
 закон уюта.
 Ты потрудился —
 отдохни.
 Но сам уют
 мне почему-то
 Порою как-то не сродни.
 Вот если б был
 он переменный:
 Окно огромное
 без штор
 И на ковре моем
 настенном
 Был ненаскучивший узор.
 Пусть там волна живая плещет
 И громыхает
 перекат.
 Но не купить такие вещи,
 Нигде не взять их напрокат.
 И я, признав
 закон уюта,
 Когда не спится
 по ночам,
 Все вспоминаю
 Север лютый
 И зимовье,
 и мой топчан,
 И стол, что из жердей сколочен,
 И печь тяжелую
 в углу...
 И почему-то
 тянет очень
 К ее
 забытому теплу.

* * *

Не хочу я того, чтобы ты присмирела.
Не давай мне покоя ни часа, ни дня.
Говори: «Уходи!»
Говори: «Надоело!»
Говори, что не стоило верить в меня.
Будь сто раз неправа!
Одного лишь не надо:
Не стихай! И меня никогда не жалея,
Трудно было мне в дни моего листопада.
Видеть твой листопад — мне еще тяжелей.

* * *

Не торопись!
Придет когда-то
Все то, что ты от жизни ждешь.
Придут и счастье, и расплата,
Большая искренность и ложь.
И может горькое случиться —
С годами выгоришь дотла,
Раздав случайно, по крупицам,
Запас душевного тепла.
Не торопись! Будь сердцем строже.
Не потому, что счастье — ложь.
Оно, быть может, не похоже
На то, которое ты ждешь.

ПОДРУГА

Немало в памяти отыщем
Счастливых встреч и ясных дней.
Но ни о ком светлей и чище
Не вспоминаем, как о ней.

Затем мы встретились с другими
И дорогих подруг нашли.
И любим их. Но первой имя
Забуть мы так и не смогли.

И никогда мы не изменим
Жене. Но помним о другой,
Что нам когда-то со смущеньем
Сказала робко: «Дорогой».
И тотчас рассмеялась звонко:
— Ну, что же ты теперь молчишь?
Ах, я совсем еще девчонка,
А ты — совсем еще малыш!
И ты смешной,
И я смешная.
Возьми цветок на память! На!
...Такая вот, а не иная
Нам вспоминается она!

И забывать ее не нужно —
Пусть не обидится жена,
Что радость первой светлой дружбы
Открыла сердцу не она.

* * *

И век иной, и жизнь иная.
И стать другая у детей.
Но я обычая не знаю
Другого, этого святей.
Он светит мне и в отдаленьи —
Я видел сам, когда был мал,
Как старший брат мой на колени,
Прощаясь с матерью, вставал.
— Благослови на путь далекий.
Благослови на добрый труд.
Благослови на бой жестокий,
На беды все, какие ждут.
Благослови меня на счастье,
На испытания в любви,
Своею материнской властью
Живому быть благослови!
И мать вставала, величава,
Как Русь сама, мудра, горда:
— Налево смерть — иди направо!
Налево честь — иди туда...

* * *

Как не способен
ты на зависть,
Когда, ликуя
и трубя,
С твоей
походкой не считаюсь,
Обходит молодость тебя!..
В один слились
и час твой ранний,
И час сыновний,
зоровой,
И ты не ощущаешь
границ,
Где твой теперь
и где не твой.
И как сказать
теплей
и проще
О том, чему всем сердцем рад?
Шагал и я
когда-то рощей
Под шум листвы
и свист щеглят...

* * *

Морали строгой — резкий росчерк.
Категорический урок.
Юнец вскипает и клокочет,
Всему и всем — он поперек.
...Ты сам когда-то был заносчив
И утверждал себя, как мог,
Стыдясь незрелости...
...Боюсь я
Предельно строгой правды той,
Что может встать
Над первой грустью
И первой сердца маетой.
И обернуться первой раной —
Ей не зажить в короткий срок.
...В апреле вся в снегу поляна,
А на проталине — росток.
Вини его за нетерпенье,
Что не хотел он ждать тепла!
Без пыла самоутвержденья
Весна весной бы не была!

* * *

Подобно ростку утверждаясь,
Некстати порой горячась,
В привычном он свежую завязь
Увидит и новую связь.
Особое юности зренье,
Самозабвенный порыв...
...Давно ль опирался на стремя
Двадцатилетний комдив,
Боец комсомольского ЧОНа?
Вчера? Иль минуту назад?
Сегодня у циклотрона
Не ты, а другие стоят.
Ты сердцем из нови не выбыл.
Седой не отброшен шугой.
И все же у домен Запсиба
Сегодня не ты, а другой!
Но, время ревнуя к кому-то,
Не можешь сказать: «Не мое!»
И если осталась минута,
Как первую, встретишь ее.

ИЮЛЬ

В высоченной траве потерял журавлят
И летает, тревожно курлыкая.
А под ним, журавлем, озерки, пережат
Беспокойной речонки Нарыка.
Почему — я не знаю, но так оно есть,
Что журавль и печаль нераздельны.
Вот и я присмирел, понимая, что здесь,
В этих дебрях я гость двухнедельный.
Но не горько, а радостно. Так говорят,
Полюбив, привязавшись до боли.
Как мальчишка я рад, что кипит пережат,
Рад лодчонке моей на приколе,
Тальникам и туманам, и каплям росы,
Белым тучкам, плывущим с Алтая.
Я неделю уже не смотрю на часы,
Ни секунд, ни минут не считая.
Сколько раз собирался на бархатный юг,
На каштаново-нежное взморье.
Соберусь. Укреплюсь. Но припомнится вдруг,
Как шумят пихтачи в Синегорье,
Но увидится вдруг беспокойный Нарык,
Всплески хариусов на Камзасе,
И — сажусь я чинить и латать дождевик,
Да готовить рыбацкие снасти.

* * *

Легко включить, когда стемнеет, свет.
И так непросто вспоминать бывшее,
И там, где видел горькое и злое,
Негаданно увидеть светлый след.
Убрать одну из давних тех обид,
Когда был прав,

но кем-то не был понят.

Что я ищу

в июне на Тайдоне?

О чем таежный пережат шумит?

Ищу я тех, кого недолюбил

В другой тайге, давным-давно когда-то.

Прощаю тех, ни в чем не виноватых,

Кого не понял я и не простил.

* * *

У меня появились соседи.
На кофейного цвета «победе»
Прикатили под вечер они.
— Дичь здесь есть?
Я ответил: «Медведи!»
— Рыба есть?
— Пескаришки одни.
В общем, встретил я их без букета,
Повидал я таких на веку.
Нет заката для них, нет рассвета,
Но зато есть запас коньяку.
Я ушел. У другого протока
Звезд дождался,
Разжег свой костер.
Даже здесь,
А ушел я далеко,
Слышен был нестерпимый их хор.
Горлапанили с пьяным надсадом.
Поздно ночью охрипли. Легли.
А на зорьке
Устроились рядом —
В ста шагах от меня — журавли.
Длинноногие
Крыльями машут.
Вдруг прыжками по кругу пошли.
В первый раз я увидел,
Как пляшут
На зеленом лугу журавли.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ТОМИ

Язь! язь! Названье-то какое!
Не в пору ль киевских князей
Сидел наш прадед над рекою,
Ловил на удочку язей?
Серебробоких, красноперых,
Таких же ясных, как заря,
Что реет на речных просторах.
Нет, язь так назван был не зря.
...Голубоглазый, бородатый.
Обутый в лапти, в холст одет,
Наш прадед, живший там когда-то,
Был даровитейший поэт.
Лукавством мудрым одаренный,
Всеми давал он имена.
Одну из птиц назвал вороной —
Не потому ль, что вор она?!
Пескарь—песок. По шерсти — кличка!
Разбойник ерш — от слова «ер».
Сорога-рыбка-невеличка,
Считалась некогда за сор.
Конечно, сор! Тоца, костлява.
Не то что стерлядь иль налим.
Выходит, названа по праву
Сорога именем таким!
...А мы ту самую сорогу
Поймать сумеем и — горды!
Ведь Томь-то — бить пора тревогу —
В ней нефти больше, чем воды.
И рыба — некуда ей деться —
Плывет вверх брюхом по волнам.
Оставил прадед нам наследство.

Будь он живой —
Влетело б нам!
По домостроевской методе,
Когда порты с тех мест спустя,
Крапивой жгучей в огороде
Учил он взрослое дитя,
Неторопливо, с приговором:
— Не порть добра! Не порть добра!
Была бы взбучка тем, которым
Не жаль речного серебра!
И пусть филолог и историк
Простят, коль я сказал не так.
...Теперь — два слова про топорик:
Что носишь ты с собой, рыбак,
В чехле брезентовом. Отточен.
Острее, чем «Экстра» и «Нева»,
Топор — вещь нужная. И — очень!
Как без него рубить дрова?
Сам по себе топор не рубит.
Не тронь его — лежит весь век.
А если зелень кто-то губит,
Так не топор,
А человек.
Звенит, звенит топор безвинный.
Летит щепка, и брызжет сок.
И вот красавица-рябина
Ложится на речной песок.
Ты молодых рябин не трогай!
Губить черемуху не смей!
Не попадайся ты дорогой
С охалкой сломанных ветвей!
Ведь этак можно всю планету
Пустить бездумно под топор.
Что ж обижаешь землю эту —
Пришел, как гость,
Уйдешь — как вор?

«НИ РЫБЫ ВАМ, НИ ЧЕШУИ»

Места, где глубже, рыба ищет,
А рыбу ищут рыбаки.
Не сосчитаешь удилица
На берегу Томи-реки.
У тех, кто старше, лучше снасти;
Скромнее снасть у малышей.
У всех одно и то же счастье —
Три пескаря, штук пять ершей.
А в общем, все идет, как надо,
Есть солнце, воздух и вода.
И зоревая есть прохлада,
И в небе светлая звезда.

*

Речная радость, шутки, споры —
Ведь для того и выходной.
На стреже слышен гул мотора.
Рыбак поехал отпускной.
Поехал к тем заветным «базам»,
Где этой самой рыбы — тьма!
Лишь рыбака увидит, сразу
На берег вылезет сама.
И, вылезая (врать не стану),
Иной таймень несет подчас
И соль, и перец, и сметану,
И лист лавровый — весь припас.
И слезно молит:
«Срочно жарьте!
Есть сковородка? Где костер?»

...К таким местам
(Их нет на карте)
Везет отпускников мотор.

*

У рыболовов все в порядке.
Подсобрались на этот раз:
У них походные палатки
И термоса, и керогаз,
Садки, малешницы, катушки.
Складные стульчики и стол,
Тарелки, вилки, ложки, кружки,
Ведерный чайник и котел.
Труба из жести для коптилки.
Наборы блесок и крючки.
Два топора, пила, подпилки
И небольшие наждаки.
У них походные аптечки
И три электрофонаря,
Еще на всякий случай свечки,
Троса, веревки, якоря.
Достали демитилфтолата
(Бутыль размером с полведра...
Пожалуй, будет многовато!
Грамм пятьдесят на комара),
Гамак. Мячи для волейбола.
Настольный теннис. Домино.
И небольшая радиола!
Всего, всего припасено!

*

Те рыбаки смешны немного.
И ты улыбку не таи!
Скажи: «Счастливая дорога!
Ни рыбы вам! Ни чешуи!»

ЗВЕЗДОПАД

Чаёк, чаёк, ключом кипящий!
Сказать не вздумай невзначай,
Что пьешь ты дома настоящий,
Всех мер и всех достоинств чай.
Пусть убежден ты твердо в этом,
Но чай твой — пресная вода!
С дымком, смородиновым цветом,
Рыбацкий чай — вот это да!
И что за чудо, что за диво,
Здесь у костра и у реки?
Все молчуны — красноречивы,
Все ворчуны — весельчаки!
И тот, кто утром на планерке
Всех виноватых распушил,
Разнес безвинных на все корки,
Сидит, как голубь сизый, мил.
Не говорит он, а воркует,
А нам, мой давний побратим,
Прошедшим вместе даль такую,
Дышавшим воздухом одним,
И помолчать, пожалуй, надо!
Поговорим, старик, без слов.
Под этим летним звездопадом,
Под тихий шелест тальников.
Давай загадывать желанья!
И пусть сбываются они!
Пусть будет щука на кукане
Киту полярному сродни!

Опять звезда упала в дали.
И знаешь, что подумал я?
Зря мы с тобой не загадали
Насчет дальнейшего житья.
К концу идет шестой десяток.
Как ни суди, как ни ряди,
А распочать пришлось остаток.
Две трети жизни — позади!
Давай, старик, судьбу попросим
Прибавить жизни лет пяток!
(Бывает затяжная осень!)
Пять лет добавки? Дай-то бог!
А может быть, подбросит десять?
Еще чудесней двадцать пять!
А, если вдуматься и взвесить,
То лучше снова жизнь начать.

* * *

Весь месяц — плес.
Речной широкий плес!
Я, как варнак,
Бежавший с Сахалина,
Ходил босой. Засучены штанины,
Грудь нараспашку.
Бородой оброс.
Жара! Устал я и прилег в тени,
Закинув лески в самом мелком месте.
Вдруг слышу крики:
— Не пускай! Тяни!
Уйдет! Скорее! Здоровенный, бестия!
Я приподнялся.
Берег тих и пуст,
На поплавках моих желтеет пена.
А на скале зашевелился куст,
И — разговор начался
Откровенный!
— Где рыбу ловишь, старый ты чудак!
— Ему нужна не рыба, а лягушки!
Что мне ответить сорванцам и как?
Пообещать, что надеру им уши?
И я решил — созоровали? Пусть!
Сам был таким же озорным когда-то.
И поднял руки и сказал: «Сдаюсь!»
— Спи, старикан! — ответили ребята.
И я вздремнул, как говорят, часок.
И награжден был
Радостью великой:
Проснулся, вижу — рядом туесок
С июльской ароматной земляникой!

НА ВСЕМ ГОТОВОМ

Где — уваженье.

Где — холопство.

А он привык: «Должно быть так!»

Он окружен любимым удобством,

Ему облегчен каждый шаг.

Подчас и думать-то не надо.

Для этой цели люди есть:

Другим написаны доклады

(Ему лишь надо их прочесть),

Другой принес ему газету

И положил ее на стол,

Отметив в ней: «Прочтите это».

Он только «это» и прочел.

Жена следит за профбилетом,

И если не был сделан взнос,—

Кто виноват, скажите, в этом?

Жена!

И стыдно ей до слез!

Он скоро будет недоволен,

Когда к нему пристанет грипп.

«Зачем,— он скажет,— сам я болен?

Другие похворать могли б!»

* * *

«Одна снежинка — еще не снег...»

(Из песни)

И одна снежинка

еще — не снежок.

И одна дождинка

еще — не ливень.

И слоновой кости кусок

Это тоже еще — не бивень.

Полушепот — еще не крик.

Несоленое сало — не шпик.

Оцинкованный, банный таз

Это тоже еще — не джаз.

И молоденькие петушата

Это тоже — не петухи.

И иные для песен стихи —

Это тоже еще не стихи!

Это даже и не стишата!

ДВЕ ТРОПИНКИ

Высоко на вершине кедра
Грозди шишек. Туман в лесу.
С хвойных веток порывы ветра
Осыпают дождем росу.

Крутизна.

На тропинке щебень.

Хворост в папоротнике сыром.

И опять в беспокойном небе

Над горами грохочет гром.

Вьется под гору тропка геологов.

А таежник, он все подсмотрел.

Здесь вот двое стояли

И — долго.

Здесь вот кто-то уставший присел:

Мох зеленый примят на валежине —

Потревожены были кусты.

Здесь лежит, где ему не положено,

Небольшой завиток бересты.

Завиток этот здесь не случайно.

Карандаш неспроста здесь лежит.

Если хочешь понять эту тайну,

Разверни завиток, следопыт.

Буквы летней росой размыты,

На коре различаешь едва.

Не глазами, а сердцем прочти ты

Наилучшие в жизни слова:

«Я люблю тебя!»

«Ты?»...

Нет ответа...

И не надо искать его мне!

Только чувствую — ласковой лето

Стало в горной моей стороне.

* * *

Еще мороз в конце апреля,
А в майский день
В тайгу войдешь —
Снег льется с пихт,
И шум капли
Напоминает летний дождь.
Кора, хвоя набухли влагой,
Размок густой таежный мох,
А пестрокрылая ватага
Такой творит переполох —
Трещит,
Звенит,
Свистит,
Щебечет!
Несется гул издалека.
Там, в котловине,
Рвет и мечет
Осатаневшая река —
В крутоворотах, в желтой пене.
А на горе, где солнцепек,
Земля изрыта вся,
Олений
Лежит на ней
Ветвистый рог.

ПОДТАЕЖНАЯ ОСЕНЬ

Городок подтаежный,
Рабочий,
Неробкий.
Паровозным гудкам
Откликаются сопки.
А на небе два клина,
Улетающих к югу,
И чуть слышится журавлиное
«Кú-гу».

Сопки в позднем багрянце.
Листьев высушенных шорох.
Ненадолго на станции
Повстречались два скорых.
Трубы паром окутав,
Перекликнулись звонко.
На перроне кому-то
Приглянулась девчонка.
Засмотрелся немножко,
Догоняет свой поезд,
Вскочил на подножку.
А кепчонкой все машет,
Галстук ветром относит.
— Я вернусь сюда, Маша!..
...Подтаежная осень.

На аллеях
Белеет тополевыи пух.
Реет в воздухе
Светлое марево.
Как легко не уснуть,
Если рядом есть друг,
И всю ночь напролет разговаривать.
Говорить и о том,
Что сошлось и сбилось,
И о том, что на завтра загадано,
И решить в эту ночь,
Что нельзя больше врозь,
Что скучать друг о друге
Не надо нам.
Нет, не надо скучать,
Утром в двери стучать!
Сколько раз, без вины виноватого,
Упрекали меня:
 «На часах уже пять»,
А всего было полчаса пятого.
Да и ночь-то тянулась
Всего полчаса —
Только в темень и в звезды поверили,
Как начался рассвет,
Засверкала роса,
И певун темногрудый на все голоса
Стал расхваливать утро на дереве.
Похвалил тополя, похвалил облака
И дымки над высокими трубами,
И туман на холмах, розоватый слегка,
И спросил у кого-то: «Не любо ли?»

* * *

Осенний дождь стучит по крышам,
На окнах капельки рябят.
И в сквере гомона ребят
Мы много дней уже не слышим.

Один примеривает лыжи.
Другой достал свои коньки
И шапку положил поближе —
Грядут морозные деньки.

Подняв над тундрой парус белый,
Зима на юг уже плывет.
...Все ближе радостный и смелый
Разбег, похожий на полет.

* * *

Смотри, выдумывать не надо!..
Но не улавливает взгляд
Того прекрасного, что рядом.
Привычно все: и пережат,
И в тальниках зеленых остров.
И серой гальки полоса.
— Вот камень — воробышко пестрый.
— А этот камешек — оса.
Куда ни гляну я — открытье,
Где дышит все и все живет.
Скала, что лодка. Посмотрите!
Поставить парус — поплывет!
Приобретенье иль потеря —
Мой трудный опыт? Может быть,
Сейчас мне очень нужно верить,
Что серый камень может плыть?

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Как прощались птицы
С озером своим.

Говорили птицы:

— Завтра полетим.

Клюкву подморозило.

Мокрый снег идет.

Скоро наше озеро

Снегом занесет.

Дуют ветры зимние,

Пожелтел камыш,

Утром крылья в инее.

По ночам дрожишь.

Лес осенним шумом

Провожает нас...

— Кто это придумал?

Кто? — спросил бекас.

— Как не возмутиться,—

Нужно каждый год

Нам, сибирским птицам,

Мчаться взад-вперед.

Разве это дело?!

— Я согласен. Так.

Очень надоело! —

Подтвердил гусак.

— Надоело очень,—

Свистнул зимогор.

...Я подслушал ночью

Этот разговор.

КУРБАН

Слух обострен здесь.

Дома иногда
Не замечаешь городского гула.
Здесь слышишь ты, как робко из гнезда
Пичуга пестрокрылая вспорхнула.
И, почему-то ты, полуслепой,
Очки снимаешь. Их тебе не надо.
Отлично видишь, как на водопой
Идет жарой измученное стадо,
И пастуха, и дальние кусты,
И свежий тёс паромного причала.
Не потому ль все видишь, слышишь ты,
Что нет такого, чтобы отвлекало?
Не в полуслух берешь,

не в полувзгляд.

...Сейчас Курбан отделится от стада,
Пойдет ко мне.

Мудрейший из телят!

Что ж, мы всегда такому гостю рады!
А что Курбан шесть дней тому назад,
Тогда еще незванный и нежданный,
Пока я уходил на перекат,
Краюху хлеба взял из балагана
И съел ее — Курбану не в упрек.
Да! Только — взял! Курбан украсть не мог!
Не воровская у него натура!
И вот он здесь. У балагана лег
Передохнуть, поближе к дымокуру,
Мне — к поплавам,

на мой заветный плёс.

Тебе, чтоб веселее стало, другу,
Тебе, Курбан, задрав поленом хвост,
Носиться по нескошенному лугу.

Нелегкий час преодоления,
Когда ты слаб,
а нужен взлет!

Усталость ставит на колени
И приподняться не дает,
И, зло подтачивая веру,
Твердит:

«Не хватит сил твоих!»
Когда грозит тебе он, серый,
Бескровный
вымученный стих.

И путь в свой дом — с чужого хода
По ржавой
выбитой стерне.

Клянешь себя,
что ты недодал,
Полусолгал,
солгал вполне.

Писал с оглядкой и примеркой
На озощенный
мощный стих.

Что правду сердца
исковеркал
И устыдился строк простых.

НА ЕНИСЕЕ

«На эти 220 верст железной дороги уходят тоже сутки; чем дальше, тем тише ползут поезда... голая и глухая степь. Ни жилья, ни городов, очень редки деревни, изредка лес, а то все степь. Снег и небо — и так в течение трех дней».

(Из письма В. И. Ленина к матери).

«Чем дальше, тем тише ползут поезда.
Лишь небо да степи видны из вагона.
Тракт рядом Московский.
Пройдет иногда,
Как темная туча,
По тракту колонна.
К далеким острогам
Ведут каторжан
В тяжелую тьму золотого забоя,
Колонну окутал морозный туман,
И иней, и лед на штыках у конвоя.
И снова — равнина, глуха и гола.
Деревни редки.
Деревенские хаты
По самые крыши пурга замела.
...Такою Сибирь
Он увидел когда-то.

И каждая строчка для нас дорога.
И каждое слово бесценно навеки!
Он слышал,
Как гулко шумела тайга.
Он видел, как бьются волной в берега
Могучие наши сибирские реки.
Безмолвье хребтов
И степей тишину
Безвестную,

Робко журчащую Шушу
И эту,
Не знавшую счастья страну,
Он принял в свою
Необъятную душу.
Июль. Лабиринт енисейских протоков.
...Тропа выбегает из зарослей ивы.
Устал он. Прилег на горячий песок.
По небу степному
Бегут торопливо
К вершинам саянской гряды облака.
Жужжат пауты.
Раздвигая осоку,
У белых кувшинок
Плывут два чирка.
Все — будто на Волге,
Но Волга далеко.
И так же, как там, пролетит стрекоза
И в воздухе реет,
Как жемчуг крылатый.
А где-то уже громыхает гроза.
Все явственней, ближе
Подходят раскаты.
Жгутами свинцовыми ходит волна,
Песчаные косы, тальник потемнели.
...Бушует Сибирь!
И не знает она
Ни силы своей настоящей,
Ни цели.

А он,
Как и в юные годы свои,
Тужуркой прикрыв по-студенчески плечи,
Сквозь мокрые травы
И через ручьи
Идет неумемному ветру навстречу!

ШАХМАТНЫЙ КОНЬ

Работал.
Писал до вечерней поры.
Затем отодвинул в сторонку тетради
И стал из пахучей сосновой коры
Вырезывать шахматы
Отдыха ради.

А вьюга гудит,
И за печкой сверчок
Звенит и звенит, свой напев не меняя.
Наметив на гриве коня завиток,
Ильич вспоминает
Любимца Миняя.

Мальчонке шесть лет.
Прибегает с утра
Он в мамкиной кофте.
И в шапке лохматой,
В больших сапогах,
Рубашонка пестра,
И, что ни неделя,
То с новой заплатой.

Застенчивость.
Бледность больного цветка.
И кашель недетский
От вечной простуды.
Смущенно попросит «Конька-Горбунка»

И скажет:

— Я, дядя, мешать вам не буду.

Конфеты разделит:

— Вот эту — себе,

А это — Егорке,

А эту — Колюшке —

(Братишкам своим).

...В неприютной избе,

За печкой в углу,

У Миняя игрушки —

Цветные стекляшки, пустой пузырек,

Пять пуговиц медных,

Две заячьи лапки.

И — главная гордость — биток-налиток,

Которым ребят он обыгрывал в бабки.

В пустом коробке из-под спичек фольга,

Неведомым чудом попавшая в Шушу.

...Всё скорбно в Сибири:

И степь, и тайга,

И детство Миняя, щемящее душу.

Чем скрасить его

И согреть хоть чуть-чуть?

...Недавно хозяйка сказала Миняю:

— Поздней приходи! Не мешай Ильичу!

Миняй говорит: «Я ему не мешаю!»

Зачем прогоняешь?

Он любит меня!»

И глянул при этом победно-лукаво.

— Куплю в Красноярске Миняю коня,—

Решает Ильич,— малышу на забаву.

И снова строгаёт, улыбку храня.

И шахматный конь

Получился на славу!

КАНДИДАТ НАУК

Поставил подпись. Слева дату.
И засиял, как месяц, вдруг.
— Ну вот и стал я кандидатом
Сельскохозяйственных наук!
Прошло каких-нибудь полгода,
Окончен мною институт.
И прорываюсь дальше, с ходу
Я написал ученый труд.
Теперь дорога мне открыта!
Теперь наделаю я дел!
Но нелегко далась защита:
Не будь защиты, я бы «сел».
Прелюбопытнейшая сценка,
Ее никак забыть нельзя!
Лишь пошатнусь —
Меня, как стенка,
Тотчас же подопрут друзья!
Профессор химии Китаев
Со мной особенно был крут:
Так и сказал он: «Я считаю
Сплошной халтурой этот труд».
Затем цитировал Марк Твена
(Весь зал при этом хохотал),
А я, признаться откровенно,
Трудов Марк Твена не читал.
Твен говорит, что гуси мечут
(Не знал об этом я!) икру.
Я Твену этому отвечу!
Я материалец подберу!

Дано задание аппарату
Мне доложить еще вчера,
Когда выводятся гусята,
Какая у гусей икра?
Твен поучает нас, что репа
Растет на дереве всегда.
Но это же совсем нелепо!
Он спутал с брюквой!

Ерунда!

Я репу сам едал когда-то.
О детство! Светлая пора!
Пробуду месяц кандидатом,
А дальше —
с ходу в доктора!

СИБИРСКИЙ ТРЕПАК

Как в дому у нас —
Новогодний час,
Новогодний час,
Наш, сибирский, пляс!
Старуха пошла,
Старика повела.
Молодая пошла,
Муженька повела.
Все пошли, кто мог,
Не жалея ног,
Не щадя туфель,
Не щадя сапог!

Не кисель вари,
Покажи трепак!
Пусть пихтач-кедрач закачается!
Пусть снега с горы осыпаются!

Вышли ладненьки
Наши Наденьки.
Вышли кругленьки
Наши Юленьки.
Будто сосенки
Вышли Тосенки,
Будто елочки,
Вышли Олечки.
Они дробь дают,
Они пол куют,
Что на ум придет,
То они поют!..

«Как у нас петух
Бил соседских двух,
А теперь петух
Что-то ленится!

— На бодливой козе
Скоро женится!
А у той козы
Барахла возы.
Из жердей кровать —
Будет мягко спать!

— На горе у них соловьи поют.
Под горой меня
На свиданье ждут.
Я скажу ему,
Что устала я.
Я скажу ему,
Что упала я.

Мне теперь домой
Не дойти самой.
Унеси меня
На руках домой.

Агроном Олег —
Милый человек.
Бригадир Семен —
Богатырь силен.
Николай — кузнец,
Баянист, певец.

— Я на всех смотрю,
Но не всех люблю!
Не подряд люблю —
Одного люблю!

«Не гони,— говорит,—
Посиди со мной!»
Он теперь у меня
Караул ночной.

Вышел старый дед —
Девяносто лет.
— Я спляшу сейчас,
Будет — «ваших нет!»
«И-ех! Орел летел!
И-ех! Орел летел!»
Крутанулся раз,
Раз — и на пол сел!
«Сапоги мои,
Ноги — не мои!»

Младший внук пошел:
— Про-па-дай, наш пол!

ПОЖЕЛАНИЯ

— Силой больше мне не меряться.
Пишет вам стихи старик.
...Больше некому довериться,
Кроме вас, мне в этот миг...
Так примите ж пожелания
Наши искренние вы:
Чтоб невзгоды вас не ранили!
Чтоб колдобины и рвы
На дороге не мешали вам!
Не мешали камни, пни.
Чтобы радость светлым заревом
Освещала ваши дни!
...После года пенсионного,
После честных всех трудов,
Жить у леса вам зеленого,
Возле ягод и грибов.
Чтобы рядом было озеро
И туман плыл на заре,
Чтобы щеки приморозило
Вам буранцем в ноябре.
Чтоб, поскрипывая лыжами,
По калину шли в тайгу,
По следам, что лисы рыжие
Оставляют на снегу.

* * *

Я не прощаюсь, не прощаюсь.
И никуда не тороплюсь.
Одна-единственная зависть.
Одна-единственная грусть.
Жизнь мне становится все ближе.
Свое я вижу даже в том,
Как вылетает утром стрижек
Из норки в берегу крутом.
Короткохвостый,
Неумелый
Два круга сделал — в крыльях дрожь —
Реки коснулся.
Вывод делай,
Что завтра утром будет дождь.
Нет! Вёдро будет! Я ручаюсь!
Птенец окреп. Поднялся ввысь.
Одна-единственная зависть:
К тому,
Кто начинает жизнь!

* * *

Шагаю
 травами густыми.
Росой
 усыпана земля.
Не от росы ли
 твое имя,
Россия,
 родина моя?
Я растерял
 друзей бывшего
И отыскал
 друзей других.
И знаю я,
 что буду снова
Терять ровесников моих.
И лишь одну тебя, Россия,
Не потеряю. Ты жила
Века врагом
 бездушной силе
И будешь жить,
 душой светла.
И, если есть во мне
 частица
Тебя -самой —
 лишь каплей той,
Лишь каплей той
 могу гордиться
в итоге
 жизни прожитой.

ПОЭМЫ

ДЕТСТВО

Год двадцатый.

Июль. Время ливней и грома.

Небольшой городок у сибирской реки.

От зари до темна не бываем мы дома.

Мы — пловцы знаменитые и рыбаки.

Дождались своего! Нам давно опостытели

Двор, изба с вечным сумраком в ней.

Переулок, окутанный облаком пыли,

И унылые, темные ленты плетней.

Хорошо на реке! На заре из тумана

Слышен скрип уходящих в низовья плотов.

Ветерок донесет хвойный запах урмана —

Аромат синегривых таежных хребтов.

Богатырь-плотогон в кумачовой рубаше

Кормовых подгоняет: «Отваливай!» «Режь!»

Громче шлотки скрипят, чаще дружные

взмахи,

Плот от узкого мыса уходит на стреж.

Он уходит от нас с балаганом зеленым,

С таганом и котлом закопченным на нем.

Ничего нет завидней, как быть плотогоном,

Плыть да плыть по реке день за днем!

...Пароходная пристань — любимое место.
Здесь для нас, ребятни, ненасытных зевак,
Каждый день новизна. Все для нас интересно:
Суета, толчея. Что-нибудь да не так.

То неловкий матрос плохо выбросит чалку —
Капитан парохода шумит на весь плес.

То объявят посадку — на пристани свалка.
Не проходит минуты — хохочем до слез.

Крепко выпивший поп оступился со сходни.
Вылез на берег, мокрый весь: «Чада мои!

Это мне за грехи — наказание господне!
Не страшусь архирея! Боюсь попадьи!»

То у грузчиков спор — похваляются силой:
— Колька, ломик согнешь?

— Помаленьку смогу.

Колька встал, поднатужился, крикнул:

«Эх, милая!» —

И железо послушно согнулось в дугу.

...Так вот день и проходит, заполненный

НОВЫМ.

Две девчонки хитро подзадорили нас,
Говорят: «Топоры-лягушата, слабо вам
До руля парохода проплыть десять раз».

Это мы — топоры? Это мы — лягушата?!

Потемнел небосвод! Пошатнулась земля!

И плывут в вихре брызг, задыхаясь, ребята,

Десять раз взад-вперед,

От руля до руля.

Убывает вода.

Бело-желтая пена

На прибрежном песке оседает каймой.

Из-за мола идет самым тихим «Бессменный»,

С чуть дымящей трубой и осевшей кормой.

...Работяга-буксир стал в те дни

канонеркой.

Воевал, наступал, побеждал, как солдат.
Две зенитки стволы свои подняли кверху,
На носу и корме трехдюймовки стоят.
И проходит «Бессменный» по тем перекатам,
Где от века души не бывало живой.
...Рубка вся обгорела. Броня на ней смята.
У штурвала в бинтах весь стоит рулевой.
...Слабый, хриплый гудок. Не такой,

как бывало,

Слышный за десять верст, оглушительный бас.
Тихо-тихо подходит «Бессменный» к причалу.
Спущен трап.

...Пронесли мимо нас
Сорок девять носилок. За мертвыми следом
Шли пятнадцать живых, все похожи на тень.
Шли пятнадцать живых,

возвестивших победу.

...А для нас, ребятни, беззаботной,

в тот день

Детство кончилось.

...В душной полыни

Притаились, притихли.

Не можем играть.

И все слышим,

Как плачет надрывно о сыне,

О матросе с «Бессменного»

Старая мать.

Нам казалось тогда — все получится просто:
Взял винтовку, патроны и связку гранат.
Бескозырку надел точно так, как матросы,
Начал бой — и враги, как поленья, летят.
Как врага распознать? Пустяки! По обличью!
На буржуе — цилиндр. На помещике — фрак.
Генерал? Тот с усами и смотрит по-бычьему.
Вот и все! Вот как выглядит враг!

Политграмота наша кончалась на этом.
Что там, в будущем? После победы?
...Туман!

Будто в лавку идешь.
В ней бесплатно конфеты,
Шоколадки, ирис, набиваешь карман,
Отмеряешь на платье мамане сатина,
Голубого, с цветочками, десять аршин.
— Вот, маманя, тебе от хорошего сына.
А вчера ты сказала, что «лешев» я сын!
...Так вступили мы в жизнь.
Но закончить страницу
О далеком-далеком настала пора.
Жизнь идет.
За окном во дворе суетится,
Входит радостно в мир
Неуемная детвора.

БРАТ ТАЙГИ

Вы, Иннокентий Саввич, маг!
У северных широт,
С гольцами рядом,
Алый мак,
Как на Дону, цветет!
Мой собеседник скромно горд.
Он говорит в ответ:
— Пока я вывел этот сорт,
Прошло семнадцать лет.
Набрался сил, окреп, сейчас
Горит мой мак огнем.
И как-то раз в свободный час
Он рассказал о нем.

1

— Я рос в тайге.
Ни школ, ни книг.
У старших — речь одна
О том, как лучше золотник
Достать с речного дна...
Отец. Руками сжал виски.
Угрюмо смотрит в пол.
Сегодня промывал пески
И «знаков» не нашел.
Лежит больной — помяло грудь —
И все твердит одно:
«Наткнуь и я когда-нибудь
На золотое дно».

Под старость лет
Сверкнула вдруг
Счастливая звезда:
Взял самородков двадцать штук
Из одного гнезда.
— Ну,— говорит,— к шутам тайгу,—
Уркан и Джелтулак¹.
Построю домик на лугу,
Посею красный мак.
На печку лягу, пусть печет —
Я на всю жизнь продрог!
И пусть медведь хмельное пьет,
А я — ни-ни! Зарок!
Но дверь в избе забить нельзя.
Идет за гостем гость,
И совестят отца друзья:
«Разбогател — и врозь?!»
На совесть — день,
На совесть — три,
На опохмелку — пять.
И — на ржаные сухари
Со всей семьей опять!
Опять за голову держись
И думай до утра.

2

А в десять лет
Какая жизнь,
Такая и игра.
По всем горам,
По склонам скал
Малинник густо рос.
Братишка Сеня отыскал

¹ Уркан и Джелтулак — золотые прииски на Амуре.

Еще один утес.
Вокруг утеса бурелом.
Пугает крутизна.
Немного ягоды на нем,
Зато — крупна, вкусна!
Берешь малину в туюсок,
А в голове мечты:
Как будто золотой песок
Горстями сыплешь ты.
Как будто: «Здесь — на миллион!» —
Мне говорит отец.
Как будто хвастается он:
«Наш Кешка — молодец!»
Мать у окна рубаху шьет —
Сатин, как бирюза.
А солнце жарит. И вот-вот
К нам подойдет гроза.
— Бежим скорей! Гроза близка, —
Кричит мне старший брат.
Сползаю вниз без туюска.
А сверху сыплет град.
...И сыпал град,
Года подряд,
Без края и конца.
Зимой простыл и умер брат.
Засыпало отца.
Осталась мать, слепа, больна.
Как мог, ее берег.
Погасла скоро и она —
Последний огонек!

3

Чинил мосты.
Гонял плоты.
Ходил из края в край.

Устал от всякой маеты.
И вдруг позвали в рай...
С плотов сманил меня кулак,
Амурский духобор.
— Ты,— говорит он мне,— не так
Жил, Кешка, до сих пор.
— Ты,— говорит,— за нас держись:
Мы во Христе живем!..
Нарисовал такую жизнь,
Что в рай ведет живьем.
...Вначале я всему был рад
И лестно было мне,
Что для хозяина я — «брат»,
И — «сын» его жене.
Строгою плахи,
Лес пилю,
Работаю, как вол.
И недоем, и недосплю —
В такой азарт вошел.

4

Однажды в дождь забрался в клеть.
Услышал разговор:
«Ты, Марья, Кешку-то приветь»,—
Дочь учит духобор.
Как разглядеть
И как понять,
Что на уме у них?..
А вдруг в хозяйстве нужен зять?
И чем я не жених?..
Я — работащ. В плечах — сажень.
Кудряв. Румян лицом.
Да ты меня обуи, одень —
И спутаешь с купцом!
Смотрю на дом: он будет наш,
Когда умрет Тарас.

Ну, а пока один этаж
Он отведет для нас...
Проник в меня кулацкий яд —
Как своему, богатству рад —
Гвоздь ржавый берегу!
Забыл отцовский алый сад,
Забыл свою тайгу.
А Марья — то меня щипнет,
То глазки строит мне.
(А что рябая — то не в счет,
Не главное в жене!)
...Степан Шатров, другой батрак,
В ту пору взял расчет,
И зло сказал мне:
— Ты — дурак!
Дите и то поймет!
Какой для Машки ты жених?!
Все это так — игра!
Как жилы вытянешь на них —
Так в шею со двора!

5

Отца увидел я во сне.
Зовет меня в тайгу:
— Малинник, — говорит он мне, —
Богатый есть в логу.
Затем приходит Саня, брат,
Несет свой туесок.
(А туесок без дна, помят).
Идем в медвежий лог.
Там глухомань, пихтач густой.
Малину рвем втроем,
А туесок у нас пустой,
Ни ягодки нет в нем.
И от пустого туеска,

От темных пихт и скал
Такая на душе тоска,
Что сонный плакать стал.
Проснулся.
Серая заря
Чуть брезжила в окне.
Хожу встревоженный: не зря
Все это снилось мне!
Не будет мне удачи здесь!
Не кончу я добром!
И пусть горят огнем и тесть,
И двухэтажный дом!
Куда судьбина завела —
Не знаю, не пойму!

6

Но жадность голос подала:
Пожить бы в том дому!
Моим горбом, моим трудом
Построил дом кулак.
«Сейчас за свадебку б ладком!» —
Подумал я.
И — бряк:
— Тарас Кузьмич, бери в зятя!
Тот хохотать до слез.
— Да чтобы ты... Да чтобы я...
Ну, учудил, прохвост!
Ох, уморил! Умру! Уволь! —
И рявкнул:
— Прогоню!
Батрак, бесштанная ты голь,
Полез ко мне в родню!
...Откуда злость во мне взялась.
Смирен был, как телок,
Взял за грудки его:

— У, мразь! —
И к луже поволок.
В грязи два борова лежат.
Смех разобрал меня:
— Вот, — говорю, — вам старший брат!
И кровная родня.
Оглоблю взял,
И смаху хватъ
Оглоблей по окну...
Теперь смешно вот вспоминать,
Что так пришлось мне начинать
Гражданскую войну.
Бежит Тарас, вопит:
— Хватай!
Под дых, под дых ему!
Вот так хотел попасть я в рай,
А угодил — в тюрьму!
Затем война с таежных троп
Надолго увела.
Брал Перемышль,
Брал Перекоп,
Был ранен у Орла.
Где не случалось побывать! —
Прошел огонь и дым.
Мне надо было б черным стать —
А сделался седым.
...Порой — колышется в бою
Над нами красный стяг,
А я душой в нем узнаю
Отцовский алый мак.
Мечта отца в меня вошла.
С моей мечтой слилась.
За то, чтоб жизнь,
Как мак цвела,
Готов в бою был пасть.
...В походах видел Беларусь —

Лесная сторона!
Я обещал: «Сюда вернусь,
Лишь кончится война».
Донская степь
И Днепр, и Крым,
Приморье и Байкал.
Пройдут бои —
Вернуться к ним
Тогда я обещал.
Везде меня: «Вернись, сынок!» —
Звала Отчизна-мать.
...Из Крыма во Владивосток
Пришлось идти опять.

7

А по пути зашел в Гильчин.
Узнал меня Тарас:
— Выходит, жив ты, лешев сын!
Минуют пули вас!
...Занятный вышел здесь у нас
С Тарасом разговор.
Я говорю:
— Не так, Тарас,
Живешь ты до сих пор!
Что завещал тебе Христос?
Все бедноте раздай!
Останься гол, останься бос —
Мандат получишь в рай!
Печать поставит сельсовет!
— Эх, — говорит Тарас, —
Исполнил я Христов завет!
Помог гальчинский ваш комбед —
Раздел до пула нас!
Коммуния! — сказал он зло, —
Сломала жизнь мою! —

Махнул рукой.
...А я село
Уже не узнаю:
Стоит кулацкий теремок,
Напуганный судьбой,
Чуть видный, слабенький дымок
Струится над трубой.
И палисадник весь заглох,—
Средь астр и георгин
Растет лопух, чертополох
Стоит, как господин.
Смелее стала беднота,
Уверилась в себе,
Хотя все та же нищета
Живет в ее избе.
Но у людей надежда есть
На жизнь, на власть свою.
Подумал я: «Остаться здесь
И завести семью?»
Но отпуск дали на три дня,
И срок ему истек.
И повела судьба меня
Все дальше, на восток.

8

В Приморье я добил врага.
Закончился поход.
Любуюсь морем. А тайга,
Тайга к себе зовет.
Мечусь, не сплю ночами я,
И в сердце — словно нож.
— Ты, злая мачеха моя,
Зачем к себе зовешь?
Отца взяла
И мать взяла,

И брат в могилу лег!
Ты столько сделала мне зла!
...И вновь:
«Вернись, браток!
Зову тебя!
Твоя сестра...
Вернись и всем владей!
Ведь я не видела добра
И ласки от людей!
Кому была я дорога,
И всех родных родней?
Нет песни той,
Чтобы тайга
Не проклиналась в ней!
Сейчас и ты меня клянешь...
Но, хоть куда беги,
Ты все равно ко мне придешь!
Ты — кровный брат тайги!
Забыть меня не хватит сил...
Одна судьба у нас!
И я напомним, ты забыл
Родительский наказ:
Отец хотел посеять мак,
Как на Дону в степи...»
...В ту ночь сказал тайге я так:
«Все понял! Потерпи!
Седой солдат, даю зарок:
Вернусь и помогу!»

9

И все ж мой путь
В ту пору лег
В Москву,
А не в тайгу.
В Москве закончил я рабфак

И горный институт.
Я — инженер-конструктор драг.
Олекма... Якокут...
Края колымские...
Байкал...
Везде оставил след.
А чтоб устал иль захворал —
Еще такого нет.
Пока не опускаю флаг,
Не покидаю строй.
Тружусь
И сею алый мак,
И говорю с сестрой:
«Шуми тайга!
Зови, сестра,
На смену молодых!
Как мать, добра,
Как мать, щедра,
Стань навсегда для них!»

10

Иду я в травяной уброд.
В далекие лога.
Иду и слышу, как поет
Сибирская тайга.
Пихтач, валежины, трава,
А рядом, в ста шагах,
Передает концерт Москва —
Чайковский, Глинка, Бах.
Иду на музыку. Туман
Ползет к реке с горы.
На берегу раскинут стан —
Зеленые шатры.
За ними плес. Речная синь.
Как свой, в шатер зашел

И вижу двух геологинь
И с образцами стол.
Поскольку «всякий ходит тут
В горах среди тайги»,
Девчата были пять минут
Отчаянно строги.
Но много всяких новостей
Чудесных набралось,
Что слушать некогда гостей.
Затем и нужен гость,
Чтобы, дыханье затая,
Всем восхищался он
И в эти горные края
Был всей душой влюблен.
— Нам повстречалась у горы
Недавно кабарга.
И я подумал:

две сестры

Есть у тебя, тайга.
Они в семнадцать лет свои
Нашли счастливый труд...
Пусть маки алые мои
В тайге для них цветут!

КОСТЕР

Пылает хворост и кружатся искры.
Невдалеке за тальником, Камзас,
Как юность, чистый и, как юность,
быстрый.

А я о нем
И думаю сейчас:
О чистом, быстром...
Хорошо Камзасу!
К нему приходит юность каждый год!
Моя прошла! Но в сердце не погасла,
Хотя всему — свой срок
И свой черед.
Вблизи костра и молодым грустится.
Поют, смеются. Но в какой-то миг
Стихает юность —
И грустнеют лица —
Пришло раздумье.
...Я к кострам привык.
Их много было — вешних, летних, зимних,
Пылавших ночью
И горевших днем.
Был тот костер,
Что ночью плыл на льдине.
Давным-давно!
Я расскажу о нем.
...Росла Варвара Кузьмина в Поволжье.
В голодный год осталась сиротой.
— Что отвернулся? Али не пригожа?
Что губы морщишь, мальчик холостой?!

Чем для тебя, кудрявый, я не пара?

Женись на мне!

Позвали в поссовет.

— Пора кончать с гулянками, Варвара!

Работать будешь?

Отвечает: «Нет!»

Нам, комсомольцам, драки надоели —

Там, где Варвара, пьянство до утра.

Бездомная. Кочует по артелям.

Поет, плясунья, на язык остра.

Она в зеленом с буфами жакете.

Браслет латунный. Серьги. Нитка бус.

— Вы, — говорит, — сестер своих жалейте!

А я без вас, святые, обойдусь!

К столу шагнула, на пол шаль упала

(Комочек алый, можно таять лед!)

— Гармошки нет,

А то бы я сплясала!

Уж больно скушный разговор идет!

Я кто такая? Кузьмина Варвара!

Хоть завтра в омут!

Хоть сейчас — в огонь!

Пила. Гуляю. Деньги воровала.

Ты, Басаргин, таких, как я, не тронь!

Петр Басаргин, наш секретарь, сегодня

Строг необычно. Брови хмуро свел.

Он наклонился, шаль спокойно поднял,

Встряхнул ее и положил на стол.

К нам обернулся:

— Полагаю, парни,

Весь этот грохот не берем в расчет.

Сестренку мы определим в пекарню.

Пусть калачи и пироги печет!

Мы все притихли.

Не пойдем, как мог он

Сказать «сестренка»! Как он только мог!

Чадит лампешка.

Ветер бьется в окна,

И выдувает из-под бревен мох.

Сидим, сутулясь,

В драных полушубках.

Папахи — набок. Из-под них — чубы.

Коптим махрой из носогреек-трубок.

Сыны своей старательской судьбы.

С утра — в шурфы.

Ночь подошла — на нары.

Так — день за днем.

Так третий год подряд!

— Ты что сказал? — опять взвилась

Варвара, —

Сестренка я?

А ты, выходит, брат?

Я испеку вам!

Век не прожуете!

Не для того пробилась я в тайгу!

Пусть вам печет троюродная тетя!

Сбегу в Якутск!

Пекарню подожгу!

Глаза, как угли. Хороша на диво.

Кусает губы. И потом — навзрыд.

На стол упала.

— Мне не быть счастливой!

Мертвяк уж я! А как душа горит!

В кровь растравили всю и заплевали!

Пошли в зимовье. Объясняем так:

— Вы, женихи! Не приставать к Варваре!

Забыть о ней. Не подходить на шаг!

А у Варвары паспорт отобрали.

Наш старший пекарь похудел, оброс.

Кряхтит и стонет:

«Удружили кралю!»

— Терпи, отец,
Как повелел Христос!
— Терпеть придется!
(Есть тому причина.
Он, бывший поп, побаивался нас).
Но дни идут. И поддалась дивчина.
Платок надвинет — не увидишь глаз.
Шурует в печке помелом сердито.
И вскоре утром пекарь нам принес
Гостинец Варин: с кренделями сито
И пачку самых лучших папирос —
Такие были лишь в золотоскупке.
(Поздней призналась: «Серьги продала»).

Мы вновь притихли.
Вновь дымятся трубки.
А тут как раз весна в тайгу пришла.
И журавли курлычут издалече.
И к нам, в семнадцать-двадцать наших лет,
Еще никто не выбегал навстречу.

Хребты. Тайга. Едва заметный след
Тропинки дальней у ручья в распадке
Размытый шурф — наш прошлогодний труд.
Июльским утром квохчут куропатки,
Своих птенцов на ягодник ведут,
Где в серых мхах неспелая брусника.
...Цветы бледны, недостает тепла,
А чуть пригреет — клонятся и никнут,
Как будто их обида обожгла.

Сидим на хвое под огромной пихтой:
Я, Петр и Варя. Забрели в тайгу.
— Как дальше жить? — спросила Варя тихо, —
Я ничего придумать не могу.
Стыд перед всеми.

Был братишка Вася
(Его помгольцы взяли из села).
Я в двадцать первом нищенкой в Донбассе
Все города и шахты обошла.
Не отыскала. О степи тоскую.
Здесь все тайга. И на горе гора!
Детей люблю. А кто возьмет такую?
Я исподлобья глянул на Петра.
Молчит. Хвою засохшую сгребает.

Впервые в жизни злюсь я на Петра.
Ему-то что? За ним пойдет любая!
А Варя, так: «сестренка» да «сестра»!

То принесет грибов нам, то черники.
Дня не пройдет, чтоб не была у нас.
— Какие я нашла, ребята, книги!
Все о любви. Я как во сне сейчас!
О вешних водах. Написал Тургенев.
Другая книжка — Чехов. О, Мисюсь!
И приказала: утром в воскресенье
Все — марш в тайгу! Я в хате приберусь.
Мы много дней не делали приборки,
В своей бобыльей темной конуре.
А тут — на окнах ситцевые шторы.
Ведерный чайник будто в серебре.
Все чашки-ложки чистые на полке.
И пошутила озорно, не зло:
Невдалеке развесила на елке
Взамен игрушек наше барахло.

У нас опять не глажены рубахи.
Сам постираешь, высохла — надел.
Уже полгода Варя на рабфаке.
А мы — в шурфах.
Обычный наш удел.

Лопата, лом, с которым и срослись мы.
Слепили клуб из брошенных двух хат.
Не слишком часто получаем письма
Издалека. Со штампом «Ленинград».

Открытки в письмах:

Хмурый Исаакий.

Петр — медный всадник, Зимний и Нева.

«Не посылайте денег. На рабфаке

У нас такая дружная братва.

Пишите чаще, больше! До свиданья.

Всем сердцем ваша Варя Кузьмина».

Была в тот год далекий на Алдане

Веселая и дружная весна.

Река ярится, плещет и грохочет.

У переката ледяной затор.

...Пришли на берег всей ячейкой ночью.

На прочной льдине развели костер.

Стоим в какой-то непонятной грусти.

А в двадцать лет печаль твоя светла.

Петро сказал:

— Давайте льдину спустим.

Река лениво льдину подняла,

К скале прижала, тотчас оттолкнула.

Сноп искр взлетел:

Покачиваясь, вниз

Поплыл костер среди ледяного гула.

Все дальше, дальше... и ушел за мыс.

Ушел за мыс навстречу зорьке алой...

Спешим гуськом к холодной Кондоре.

Снежок идет, последний, вешний, талый.

...Вот весь рассказ о Варе и костре.

МАТЬ АННА

Здесь ласточка свила гнездо под крышей.
Добряк Волчок не злится у ворот.
Пробегав ночь, кот, доходяга рыжий,
Спит под крыльцом.
За хатой — огород.
В нем под березой два замшелых улья.
И надо быть нерадости такой:
Поднялся ветер, пчелы потонули
(У них взятки на гречке за рекой).
Не все погибли. Два иль три десятка.
— Не меда жаль, — вздыхает бабка, — пчел.
Любой и каждый любит мед-то. Сладко!
И ставит миску с сотами на стол.
Июльским солнцем огурцы прогрело.
Горит огнем оранжевый парник.
Лук боевые выпускает стрелы.
А нежный мак свернулся и поник.

Я напросился в постояльцы к Анне.
Колю дрова. Вчера я мед качал.
Всю зиму я о заревом тумане
И тальниках, как никогда, скучал.
Вот и дождался! И шагаю босый,
О седине и возрасте забыв,
По лебеде и по июльским росам
Чуть видной тропкой на крутой обрыв.
Внизу река, а дальше луговина,
Два озерка, глубокая курья,
Все в зарослях боярки и калины.

Там мой шалаш. И тучи комарья.
Покоя нет от муравьев незваных.
Летают, ноют: «Кум, ку-пи ви-на!»
И я сбежал! Сказала бабка Анна:
«Давай, селись. Живу, как перст, одна».

А разговор наш с Анной поначалу
Шел по верхам. Пустяшный разговор:
— Жара стоит.
— Дождя бы не мешало.
— Поешь медку.
— Покушай помидор!
— Вот принесли газету. Почитай-ка!
— Ты под навесом,
В холодке приляг.

Стал замечать я, что моя хозяйка
Раз в два-три дня уходит в березняк.
Лес — на горе и от избы направо,
Уходит Анна без ведра в руке.
Подумал я, что потайные травы
Рвет по росе она в березняке.
Но я ошибся. Анна трав не ищет.
Вчера спросил:
— Ты где, стара, была?
Сказала Анна тихо:
— На кладбище.
Там мой сынок. Домой его звала.
Да не идет и не придет мой Боря!
Нет, не придет! Взяла его война!
Слова скупые и большое горе.
Арина — мать солдатская! Она!

— Все вспоминать —

накрыться черной шалью,—

Сказала Анна.— В детстве нищета.

С жабреем горьким
отруби мешали
И хлеб пекли.
И тот — не досыта.
До полусмерти
шомполами бита.
И муж расстрелян
на моих глазах.
Очнулась утром,
дверь в избе открыта,
И снегу за ночь
намело в сенях.
Как поднялась? Не знаю!
Дверь закрыла,
А на скамейке, у окна,
кисет.
«Ушел Егор», — подумала.
Забыла,
Что пятый день
в живых Егора нет.
Взяла кисет.
Хочу о чем-то вспомнить —
И ничего припомнить
не могу.
И только очень-очень
тяжело мне,
И пятна крови
вижу на снегу.
И как во сне —
кладбище и могилу.
Здесь боль по телу,
как огонь, прошла.
Час мой настал!
Я собрала все силы
И до избы соседской
доползла.

Без крика. Молча.

Опасалась белых.

Так я в тот день

сыночка родила.

В бреду была,

но сохранить сумела.

А через двадцать лет

не сберегла.

Пошел на фронт он.

Провожая, вою.

Душа зашлась. И мне помстилось тут,

Что не один Борис идет, а двое,—

Отец и сын, плечом к плечу, идут.

Кричу им вслед:

— Егор! Смотри за сыном!

Горячий он! Сам на рожон не лезь!

И в первый год Борис в бою под Клином

Сказался весь и объявился весь.

Танк подпалил.

И принял сам три пули.

Одна — в бедро, а две вошли в живот.

Домой вернулся. Я купила улы.

Врачи сказали: «Боре нужен мед».

Полгода прожил. Не терпел постели.

Прошу: «Лежи!» Ответит: «Не могу.

Жаль,— говорит,— что шишки не успели.

Я, хоть ползком, но заберусь в тайгу».

Недосмотрела! В лес ушел под осень.

Домой вернулся — все бедро в крови.

Стал помирать. Я плачу. Боря просит:

— Меня не будет —

Для сирот живи!

Как завещал он,

Так и поступила.

Взрастила Колю. Он давно женат,

Внучата есть: Аркаша и Людмила.

Зовут к себе.

А как же он, солдат?

Один в тайге?

Все зарастет бурьяном!

Нет! Здесь мне жить

И здесь мне умирать.

— Прости меня,— вдруг повинулась Анна,—

Погоревала.

Так на то я — мать.

Мы матерей своих похоронили.

Но долг остался, и вина жива.

На дальней неухоженной могиле

В апреле снова прорастет трава.

Весна верней и памятливей сына.

Она сюда приходит каждый год.

Мать, умирая, сыновьям простила

И вольный, и невольный их уход.

Мать не вернуть.

...Я вновь у бабки Анны:

Все, как тогда.

Но рыжий кот ушел.

— Был хулиган. Не стало хулигана!

Какой сейчас у бабки Анны стол?

Ни молочка, ни мяса, ни сметаны.

Картошка, мед. Весь бабкин разносол!

Есть еще куры. Поросяенок Тимка,

Спокойный днем и по ночам шальной.

А у Волчка глаза покрылись дымкой.

И на рыбалку не идет со мной.

Надлом? Упадок?

Нет его, надлома!

Здесь нет моих глухих, пустых минут.

То — огород. То — хлопоты по дому.

Обычный труд. И неизбежный труд.

Изда чиста. И на окне герани.

Зимой опять половики ткала.

И поздний сон. И час подъема ранний.
Дела. Дела. Старушечьи дела!
Такие, что на завтра не отложишь,
И то же вновь:
— Сынок, поешь, приляг.
Как ты живешь?
— Все становлюсь моложе.
— А ты, сынок, как прежде, весельчак!
— Так лучше, мать. Веселый к богу ближе!
— Ты — коммунист — и вдруг какой-то бог!
...Не знает Анна,
Что я мать в ней вижу.
С какой печалью слышу я «сынок».
Как передать, что чувствую сейчас я!
Тоска и грусть
В сравненьи с тем легки.
И всею жизнью добытое счастье
Не стоит той морщинистой руки,
Что, к сильному, тебе несмело прикасалась.
И ты стыдился, что ласкает мать.
А может быть, она свою усталость
В тот час тебе хотела передать.
Теперь ты понял, что это такое —
Непринятая ласка. Ты постиг
Отцовство и всю меру непокоя.
Но ты — не мать! Ты крепче. Ты привык
Любую боль смирять холодной волей.
Но воля та лишь внешне холодна!
— Ждала всю вёсну, что приедет Коля.
Но так случилось: Людочка больна.
И в пятый класс не перешел Аркаша.
Избаловали в городе ребят!
В двенадцать лет у нас, бывало, пашет.
В семнадцать лет уже, глядишь, женат.
Мужик. Хозяин. Ходит с бороною,
В портах холщовых серых и лаптях.

...И полилось давнишнее, седое.
Под полусонный щебет малых птах,
Гнездящихся в березовом лесочке,
Что невдали от хаты, на яру:
— Картошка сохнет. Скуржились листочки.
Ах, хорошо бы дождичка к утру!
Весною сёреть, как в июль — сухмени.
Погоды нет четвертый год подряд.
...Вот то, о чем обычно говорят
Нам матери.
И только просит взгляд:
«Ну, подойди же и уткнись в колени!»
...Не подошел!
— Волчок и Тимка спят.
И нам с тобой пора на боковую.
Ты отдыхай.
Ты писанину брось!
Вот прут возьму березовый, отдую!
Приехал в гости.
Так живи как гость!
...И вновь клоню я голову седую.

ГОРНИСТЫ

Ровесникам

Давно мы шлемы сняли
И хромовый кожан.
И неохотно сдали
Винтовку и наган.
И паспорта с пропиской
Во всех краях страны
В архиве паспортисткой
Бесстрастно сожжены.
И выдан нам бессрочный
На весь остатний путь,
Большой иль укороченный?
Ответ предельно точный
Придет когда-нибудь.
Но, к честности приучены,
Чужого не возьмем.
При солнце и под тучами
Лишь наше проживем!
Пока не дрогнут губы
У самых волевых,
Пока не грянут трубы
Оркестров духовых.
Друзья пошлют в газету
Хорошие слова.
За Лукоморьем где-то
Растет живун-трава.
Той травкой
в сказках лечат
От роковой беды

Где ручеек, чтоб в глечик
Набрать живой воды?
Где ворон, добрый малый,
В дубраве, на суку?
Он жизнь спасал, бывало,
Ивану-дураку.

Смекалистый, сердечный,
Насмешливый порой,
Простых людей извечный,
Излюбленный герой.
На свадьбе вдруг заплачет,
На похоронах — в пляс.
Но вдумайся иначе —
В какой чудил он час?
Зачем вздыхать уныло,
Когда врагу конец?
Где счастье, коль с немилой,
Корявой девкой силой
Шел парень под венец?
Бледны, бескровны губы,
Шатается — не пьян.
...Великим жизнелюбом
Был умница — Иван!
Побаски да остроты
На тот особый лад.
Каким чудит пехота,
Пройдя кромешный ад.
Затем, чтоб на привале
Набраться сил сполна.
...Есть боль

 больней едва ли,
Такая — не видна.
А нам ее, безмолвной,
Досталось мерой полной,
И, если жизнь-река,

То не стихали волны
Ни одного денька.

Вот так иль по-другому,
Береза иль сосна,
Но увела из дому
К реке меня весна.
Я в тальниковой заросли
Иду на перекат.
Сибирской нашей ярости
До боли в сердце рад!
На бережку

под кручею

Дерутся два скворца.
По бытовому случаю
Зашлись у них сердца.
В траве видны два холмика.
Земля влажна, черна.
К засоне и затворнику
Кроту

пришла весна.

Нет в мае

бесталанного.

Во всем порыв

и взлет!

...Переживаю заново
Иванов — свой подход.
Погоню за жар-птицею —
Поэзия она!

Не довелось открыться,
Все выплеснуть до дна.

Летало,

да не поймано.

Не быть в строке словцу,
Чтоб от него от знойного

Кровь хлынула
к лицу.

И песню
красной девице
Сердечную не дам,
Чтобы могла надеяться
И верить соловьям.

Забот чересполосица
И прежде, и теперь.
Бывало, слово просится,
Но сам захлопнешь дверь.
Отпустишь несогретое
Под звезды, на мороз:
«Сейчас мне не до этого!»
«Сейчас не тот вопрос!»
То сбор

в казарме ЧОНовой,
То прибыл срочный груз.
Не час до утонченного.
Какой там к черту вкус!
Не до строки певучей
(Я ей отнюдь не враг).
Мне просто выпал случай
Сказать, что было так.
Мы были в нашей юности
Чуть-чуть, быть может, крайними.
Но были теми самими,
Какой была пора!
Стареем, скажем искренне,
Без той бравады выспренней,
Что мы, седые, хворостям
Даем крутой отпор.
Да, что угодно вынесем
И где угодно выстоим,
Что по колено море нам

И люб нам косогор.
А все ж,
Пусть мы не прежние
И не такие быстрые,—
Не от костра чуть видного,
Летим последней искрою!
И не звездой падучей
Погаснем между гор!
Не надо тихой заводи,
Не надо дремной пристани!
Век доживем горнистами,
Всему наперекор!

СОДЕРЖАНИЕ

В. Баянов. След на земле	5
«Ты не сердись...»	9
«Живу всегда...»	10
«С годами глубже...»	11
«На горах здесь пихта...»	13
«Разреши мне присесть...»	15
Начало	16
Таежный клуб	17
«Путь-дорога...»	21
«Паром увидишь...»	22
«Мы только-только...»	23
«Вступают в жизнь...»	25
«Тайга. Тому, кто в ней...»	26
«Тайга окутана туманом...»	27
У реки Чульмакан	29
Аил	31
На вырубке	32
Неляна	33
«Пихты в белом...»	34
«Разошлись. Поссорились...»	35
«Сентябрьский утихающий огонь...»	37
Руло тэ руло	38
«Я нашел в лесу подкову...»	40
На Запсибе	41
«Я признаю закон...»	43
«Не хочу я того...»	44
«Не торопись! Придет когда-то...»	45
Подруга	46
«И век иной...»	47
«Как не способен ты...»	48
«Морали строгой...»	49
«Подобно ростку...»	50
Июль	51

«Легко включить, когда стемнеет...»	52
«У меня появились соседи...»	53
Размышления на Томи	54
«Ни рыбы вам, ни чешуи»	56
Звездопад	58
«Весь месяц — плес...»	60
На всем готовом	61
«И одна снежинка...»	62
Две тропинки	63
«Еще мороз в конце...»	64
Подтаежная осень	65
«На аллеях белеет...»	66
«Осенний дождь стучит...»	67
«Смотри, выдумывать не надо...»	68
Ночной разговор	69
Курбан	70
«Нелегкий час...»	71
На Енисее	72
Шахматный конь	74
Кандидат наук	76
Сибирский трепак	78
Пожелания	81
«Я не прощаюсь...»	82
«Шагаю травами...»	83

ПОЭМЫ

Детство	84
Брат тайги	88
Костер	100
Мать Анна	106
Горнисты	113

104
Литературно-художественное
издание

Пинаев Александр Ефимович

С т и х и

Редактор-составитель
В. М. Баянов
Ведущий редактор В. Б. Соколов
Художник Г. Фомин
Художественный редактор
В. П. Кравчук
Технический редактор
Г. Н. Манохина
Корректор Н. А. Лысенко

ИБ № 1326

Сдано в набор 30. 09. 88. Подписано
к печати 10.02.89.

ОП 03414. Формат 70x90¹/₃₂. Бумага ти-
пографская № 2.

Гарнитура «Манго». Печать высокая.

Усл. печ. л. 4,39. Усл. кр.-отт. 4,61.

Уч.-изд. л. 4,76.

Тираж 4000 экз. Заказ № 4698.

Цена 45 к.

Кемеровское книжное издательство.

Кемеровский полиграфкомбинат.

Адрес издательства и типографии:
650059, г. Кемерово, ул. Ноградская, 5.

